

Политическая наука в поисках нового мышления

29 февраля 2020 года Школа политических исследований Института общественных наук РАНХиГС провела первые Субботние политологические чтения в Президентской академии «Политическая наука в поисках нового мышления». Их открыла и провела Лидия Николаевна Тимофеева, научный руководитель Школы политических исследований, д. п. н., профессор кафедры политологии и политического управления РАНХиГС.

Основными докладчиками выступили Алексеева Татьяна Александровна, зав. кафедрой теории политики МГИМО, д. ф. н., профессор Сморгунов Леонид Владимирович, зав. кафедрой политического управления Санкт-Петербургского государственного университета, д. ф. н., профессор.

Состоялся актуальный для российской политической науки разговор о путях её дальнейшего развития, важнейших направлениях политологических исследований, подготовке профессиональных кадров – политологов. В обсуждении приняли участие ведущие политологи – представители российских общественных объединений: Академии политической науки, Российской ассоциации политической науки и Российского общества политологов.

В докладе **Т. А. Алексеевой** прозвучал тезис о том, что одной из остро дискуссионных тем в политологическом сообществе в последнее время стал вопрос о «кризисе», «упадке», догматизированности и даже крайней идеологизированности политической науки. В самом деле, в последние десятилетия, на первый взгляд, не видно каких-то знаковых «прорывов», появления новых «больших» теорий, способных радикально изменить политологический ландшафт. Вспоминая Томаса Куна, мы как бы застряли в стадии «нормальной науки», накапливая аномалии и делая относительно робкие шаги в сторону других наук, сплошь и рядом ограничиваясь методологической эклектикой. Так ли это? Или «научная революция» все же произошла или происходит на наших глазах, а мы просто в силу инерции, лени или ограниченности предпочитаем ее не замечать?

Для того чтобы попытаться ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к основаниям политической науки, к ее онтологии и эпистемологии и посмотреть, что же происходит на этом уровне. Очевидно, что, по-видимому, одним из важнейших достижений человечества стало признание системного единства естественно-научного и социального познания. Признание этого, однако, имело место отнюдь не всегда. Это весьма наглядно проявилось в истории становления и развития политических наук, которые на разных этапах бросались из крайности в крайность, то отождествляя свои методы с естественно-научными, то претендуя на собственную уникальность, а то и универсальность. С точки зрения методологии эти вопросы приобрели особенно важное значение на фоне новой неклассической и постнеклассической картины мира, однако адаптация политических наук к новому типу мышления сталкивается с изрядными трудностями.

School of Public Policy
Институт общественных наук

Рассмотрение наиболее важных подходов к исследованию политических и международных процессов показывает, что восприятие новых постулатов неклассической и постнеклассической картины мира в сфере познания политического сталкивается с большими трудностями. Наряду с сохранением влияния чисто механистического подхода имели место попытки обращения к отдельным элементам новых картин мира, в частности, к квантовой физике, биологии, использованию фактора случайности, к отказу от причинно-следственных моделей. Однако в большинстве случаев можно говорить не столько о трансляции методов и подходов из естественных наук в политические, сколько о попытках выстраивания «слабых» вариантов теорий или некоего подобия (например, квантовоподобных) теорий, хотя в целом политические науки, равно как и другие социальные науки, все же стремятся развиваться в духе времени.

На самом деле, ничего нового в такой позиции, по-видимому, нет. Напомним выступление Президента Американской ассоциации политических наук Вильяма Беннет Мунро (1875–1957), профессора Гарвардского университета и Калифорнийского технологического института, который еще в 1927 году представил президентское обращение к участникам всеамериканского конгресса политологов под весьма характерным названием – «Физика и политика – пересмотрена старая аналогия». Изрядно эпатажив собравшихся ученых-политологов, Мунро говорил, что политологии пора начать соответствовать новой физике, обратив свое внимание на суб-атомарные возможности. Иными словами, мы должны отказаться от абсолютов, поскольку ничто не может быть более очевидным, чем предположение, что все гражданские права и обязанности, все формы и методы правления связаны друг с другом, а также со временем, местом и обстоятельствами. Они не могут быть выражены нейтральными формулами. Социальная атмосфера, подобно физической вселенной, наполнена невидимыми единицами энергии, движущимися со всевозможной скоростью и проникающими во власть, оседающими то там, то сям и через какое-то время отлетающими от человеческих атомов дальше. Вес индивида зависит от его способности воспринимать и отдавать дальше, то есть от числа и качества идей, которые он ассимилирует и отпускает.

Из сказанного Мунро вывел задачи политических наук как самостоятельной научной дисциплины. «Политическая наука, для того, чтобы стать наукой, должна, прежде всего, добиться определенной степени развода с философами, юристами и психологами, с которыми она долгое время находилась в статусе полигамного брака, и перейти к собственному поиску истины». И далее: «Наша ближайшая цель ... должна заключаться в том, чтобы освободить политическую науку от старых метафизических и юридических концептов, на которых традиционно она основывалась; аналогично очистить ее от влияния социологов и социальных психологов, которые, если бы шли своим путем, только еще глубже погрузили бы нас в трясины бессмысленной терминологии. Именно к естественным наукам мы можем с наибольшей выгодой обратиться в этот час транзита за предложениями по реконструкции наших постулатов и методов. Политическая наука должна заимствовать

по аналогии (курсив – ТАА) из новой физики стремление избавиться от интеллектуальной неискренности в отношении природы суверенитета, общей воли, естественных прав и свободы индивида, согласия управляемых, правления большинства, самоуправления, правления общественного мнения, государственных прав, *laissez-faire* (свободного предпринимательства – ТАА), сдержек и противовесов, равенства людей и наций, и правления законов, а не людей». Соответственно, вместо этих формул политическая наука должна стремиться найти концепты, которые выдержат тест на реальное соответствие, и на этой основе она должна начать перестраивать себя через практические интимные наблюдения происходящего в мире политики.

Услышали ли политологи призывы Мунро столетней давности? Есть ощущение, во всяком случае, судя по многочисленным учебникам политологии зарубежным и отечественным, что пока еще нет. По-прежнему преобладают чеканные формулы и концепты, предполагающие заучивание их наизусть подобно мантрам. Мы так и преподаем: посмотрите хотя бы на билеты к экзаменам: Что такое суверенитет? Политическая партия? Парламентская система? и т. д. и т. п. Хотя без базовых понятий не обойтись, у студента не возникает понимания, что эти понятия не более чем «сущностно оспариваемые концепты», а стало быть, зависят от контекста, исторического времени, политической культуры и т. д. Между тем мировая практика предлагает сегодня целый ряд совершенно новых моделей преподавания политических наук, которые реально учат политическому мышлению.

Приходится сделать вывод о том, что адаптация политических наук к новым научным картинам мира неизбежна, но по определению ограничена: при всем единстве знания как такового методы и инструменты социально-политических и естественных наук весьма различны и даже в процессе приспособления претерпевают столь значительные изменения и упрощения, что зачастую сохраняют лишь наименования и имитацию методологии других наук. И все же как минимум придется следовать сходным курсом.

Несколько иной ракурс на проблему представил **Л. В. Сморгун**. На его взгляд предложенная тема обсуждения имеет много векторов рассмотрения.

1. Древнегреческое рассмотрение этого вопроса связано с поиском различий между политическим мышлением политика и философа (ученого) (Сократ, Платон, Аристотель, Ксенофонт). Девятнадцатый век в связи с дифференциацией наук сформулировал конфликт между номотетическим и идеографическим знанием (зафиксировавшимся в истории общественной науки в виде длящегося конфликта двух традиций – дюркгеймовской и веберовской). Двадцатый век обострил тему соотношения интеллектуального (способность знать) и философского (способность думать) мышления в политике (Л. Штраус, А. Кожев, Х. Арендт). Постмодернизм поставил под сомнение тотальное и универсальное знание (деконструкция, плюрализм, различие/спор (*ledifferance*), поверхность), а постструктурализм связал это знание с властью и сформулировал потребность освобождения знания от властных интенций. Политическая наука/философия ответила постмодернизму широким движением неинституционализма, обеспечившего институциональный порядок

в политике на основе прежде всего рационального выбора (либо индивидуальной, либо публичной формы).

2. На стыке последних столетий явно обозначилась тенденция междисциплинарного совмещения научных интересов в виде сложного мышления и междисциплинарного синтеза естественно-научных и социолого-политологических методов. Последние версии сциентистского анализа (теория хаоса, синергетика, квантовая механика, фрактальная теория) представляют собой самостоятельные подходы при изучении сложных (адаптивных) систем, которые не подчиняются линейному развитию, включают в себя синергетические компоненты самоорганизации, бифуркационные потоки, нелинейные причинные зависимости, квантовые неопределенности, сложные фрактальные размерности и т. д. Сложность, как считается, является результатом самой реальности, т. е. принадлежит к объекту исследования.

3. Все предыдущие подходы опирались на первенство методологии в получении объективного, обоснованного, детерминистского знания о политической реальности. В начале 21 в. вектор анализа смещается в сторону единства онтологического и методологического подходов. В этом отношении повышается значение качественных методов исследования, а также стремление к объединению качественных и количественных подходов. Отличие этой дискуссии от предыдущих данное поколение разработчиков новых подходов (Махони, Беннет, Эльман, Мунк) связывает с инновационной постановкой ряда вопросов и утверждением значимости качественных методов: (1) разработка новых подходов: контрфактуальный анализ, отбор противоположных случаев, метод повторного отбора усовершенствованных понятий; (2) выявление соотношений со статистическими и формальными методами и разработка мультиметодологического подхода; (3) профессионализация в области использования качественных методов; (4) институциональное развитие сообщества исследователей, ориентирующихся на качественные методы. Важным в современной дискуссии о качественной методологии является вопрос не только о том, как исследовать, но и о том, какова природа исследуемой реальности. Приоритет субстанциальных ориентаций над количественными соотношениями приводит к возрождению интереса к политической онтологии, что вызывает так называемый «онтологический поворот» в политическом знании. На первый план изучения политической реальности выходит единство онтологии и методологии, а значит, погружение науки в реальность, превращение знания о политике в факт политической действительности.

4. Онтологические перспективы «поворота» были вначале вдохновлены онтологией радикальной случайности политического события Бадью, «риторической» онтологией социального антагонизма Лакло, онтологией био-власти Хардта и Негри, онтологией голой жизни Агамбена, антиметафизической онтологией реального Лакана, онтологией различий Делеза или хонтологическим подходом к политическому Деррида. Онтологический поворот, во-первых, символизировал «постфундаменталистскую» ориентацию в политической философии и теории, которая была направлена против метафизических обоснований политики и брала за основу размышления о политике ее «природу» как случайного, открытого, изменяющегося, проявляющегося, множественного и спорного события. Вторая тема, которая возникала в этих онтологиях, касалась возможности перевода фундаментальной онтологии в сферу политики. Возможна ли связь между философской критикой и политической практикой? Ликвидирует ли политическая онтология разрыв между мыслью и практикой, философией и политикой? В этой связи возникает широкое движение за онтологический тип мышления в политике, которое бы выполняло задачи скорее ориентационно-политические, чем просто созерцательно-объяснительные или процедурно-

институциональные. Конечно, прямой вывод политики из политической онтологии был проблематичен, однако данный тип мышления предполагал подозрение как к предварительному наблюдению и схематическому теоретизированию на основе избранного методологического подхода, так и к долженствованию, проистекающему из метафизического нормативизма.

5. Более радикальной выступила вторая волна онтологизации политического мышления, которая ушла от рассмотрения проблематичности связи теории и реальной политики, а прямо декларировала новую политику, определяемую философией нового реализма. Эта новая волна представлена акторно-сетевой теорией Латура, объектно-ориентированной онтологией Хармана и Мортонa, плоской онтологией Деланда, спекулятивным реализмом Мейяса и витальным материализмом Беннетт. Общим смыслом этого радикального поворота в политическом мышлении выступают следующие общие установки: (1) объединить понимание реальности, отказавшись от дихотомий природа/общество, человек/животное, свобода/необходимость, индивидуальное/общее, микро/макро; (2) политизировать онтологию и онтологизировать политику; (3) разработать такой тип политического анализа, который мог бы лучше учитывать роль нечеловеческих объектов (ассамбляжи, сборки, стыковки, переводы, демократия объектов, картография различного); (4) сделать акцент на актуальности существующего, а не потенциальности возможного; (5) принять принципиальный индетерминизм, контингентность происходящего, неопределенность и открытость к трансформациям.

Критика этой волны онтологического мышления обращает внимание на политизацию онтологии и постгуманизм; идет процесс освоения новой онтологии в ходе исследования цифровизации и искусственного интеллекта; формируется трансгуманизм как политика принятия объектов в человеческий мир.

В ходе дискуссии выступили известные политологи, политические философы, социологи, историки и психологи. Среди них: О. Ф. Шабров «Эвристический потенциал политической науки и современный мир» (МГУ); А. П. Кочетков «Политическая наука в условиях глобальных вызовов» (МГУ); С. В. Рогачев «Цифровизация российской реальности: проблема политической рискологии» (ИСПИ РАН); Л. Н. Тимофеева «Альтернативность в политической науке как принцип конструирования новой картины мира» (РАНХиГС); М. Ю. Мизулин «Политическая наука в поисках нового мышления: привлекательность, но не бесспорность постановки темы» (РАНХиГС); Н. П. Сащенко «Исследование политической картины мира и проблема устойчивости современных социальных систем» (ИСПИ РАН); Ф. Ю. Зудин «Контуры исследовательской программы российской политической науки» (МГИМО); Н. М. Ракитянский «Политико-психологические исследования глобальных менталитетов» (МГУ); С. В. Демиденко «Новые идейные тенденции в генезисе исламского радикализма. Исламизм постиндустриального общества (или исламизм эпохи постмодерна) как новый этап эволюции явления» (РАНХиГС); А. Г. Сытин «Задачи политической науки в свете идей академика Никиты Николаевича Моисеева» (МГУ); В. А. Михеев «Гражданин и политика: к проблеме мышления и мировоззрения» (РАНХиГС); С. В. Патрушев (ИС ФНИСЦ РАН); В. И. Тимошенко «Ресурс качественной методологии

в изучении политических программных документов» (РАНХиГС); Н. С. Григорьева «Здравоохранительная политика в дискурсе современной социальной политики» (МГУ); Д. Б. Казаринова «Метафора и политеймент: векторы эволюции политической рефлексии» (РУДН); В. Л. Римский «Политическая наука и политические решения» (Фонд ИНДЕМ); А. В. Соловьев «К вопросу о новом конфликтологическом мышлении в рамках интеграционной науки о политике» (РАНХиГС). В обсуждении темы приняли участие аспиранты различных вузов: В. И. Камышанов. «Отечественный опыт российской политической науки в исследовании международных отношений» и др.

В результате обсуждения главной повестки дня состоялась содержательная дискуссия относительно того, куда же идет политическая наука. Было высказано немало интересных предложений, в том числе использовать методологию мировой науки о политике с учетом российских традиций и практики, не отказываться от достижений как естественных, так и гуманитарных наук, объединяя их усилия в понимании современной действительности, от принципа альтернативизма в мышлении, поскольку он является эффективным методом борьбы с застоем в мыслях и действиях. Если бы человек не создавал альтернатив в науке и практике, он превратился бы в раба. Люди всегда имеют возможность изменить ограничивающий их миропорядок и т. д.

Приглашаем коллег продолжить обсуждение актуальных проблем развития современной политической науки на страницах научного журнала Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова «Социальные и гуманитарные знания» под рубрикой «Политическая наука в поисках нового мышления».